Мифология

Древнегреческая литература выросла на основе мифологии, которая теснейшим образом связана с периодом общества доклассового, с жизнью первобытного коллектива. Отметим однако, что древнегреческая мифология отличается от религии, которая сопутствует ей, тоже основана на вере в сверхъестественную божественную силу, но опирается на систему культов и обрядов, на древние ритуальные установления, хотя и не обладает законодательно закрепленной догматикой. Миф нельзя под менять также сказкой или легендой. В сказке есть вымысел, который обусловлен заранее и прекрасно понимается рассказчиком и слушателями. В легенде присутствует память о неких событиях прошлого, изложенных с определенной целью и даже тенденцией, часто общественно-политической (напр., легенды об основании тех или иных городов).

Рассмотрим теперь подробнее, как формируется мифология, каковы ее предпосылки и пути ее исторического развития.

I. Мифология и первобытнообщинная формация.

Античная мифология является отражением человеческой жизни, ее потребностей и стремлений, ее отношения к настоящему, прошедшему и будущему, ее идеалов и вообще всех ее материальных и духовных жизненных сил. Только понимание мифологии как разновидности конкретно-жизненного мышления превращает ее в то подлинное достояние человечества, в котором оно жизненно нуждалось в известные периоды своего развития. Если же поставить вопрос о том, какие именно периоды исторического развития человека заставляли его мыслить мифологически, то здесь мы столкнемся с той огромной эпохой, которая обычно носит название родового строя или, точнее, первобытнообщинной формации. Мифология и есть известного рода перенос общинно-родовых отношений на природу и на весь мир. Человеку в первобытнообщинной формации являлись наиболее понятными и близкими именно общинно-родовые отношения, и поэтому самым убедительным для него объяснением природы было объяснение с помощью родственных отношений. Вот почему небо, воздух, земля, море, подземный мир и вся природа оказывались здесь не чем иным, как одной огромной родовой общиной, представители которой являются обязательно живыми существами, находящимися в тех или иных родственных отношениях.

Одно из наиболее частых и традиционных объяснений мифа сводится к тому, что он есть продукт незрелого мышления, далекого от установления и использования научных законов природы. Однако это состояние мышления само требует объяснения и вовсе не является непреложной истиной. Кроме того, если бы состояние мышления и было последней инстанцией, все равно остается непонятным, почему вдруг понадобилось человеку привлекать для объяснения природы и общества столь странные методы. Ведь всякое объяснение есть сведения непонятного к понятному. Но почему же вдруг оказалось понятным, что солнце есть бык, а луна — корова или что гром и молния не есть просто гром и молния сами по себе, но известные орудия в руках Зевса, или Юпитера? Точно так же ничего не говорят обычные рассуждения о том, что первобытный человек одушевлял природу, обожествлял природу, очеловечивал ее, т. е. понимал антропоморфно. Прежде всего, совершенно непонятно, почему это вдруг понадобилось ему одушевлять или обожествлять природу. То и другое вовсе не есть такое уж простое миропонимание, которое было бы понятно само по себе и не требовало бы никаких дальнейших объяснений.

Говорить просто об одушевлении или обожествлении недостаточно. Одушевленные существа или божества в представлении древнего человека находятся между собой в родственных отношениях, являются друг для друга родителями или детьми, братьями или сестрами, дедами или внуками, предками или потомками; и, кроме того, все вместе они образуют универсальную родовую общину, основанную на первобытном стихийном коллективизме. Только познакомившись с особенностями самой родовой общины первобытных времен, можно понять мифологию. В самой родовой общине нет ничего мифологического, волшебного или магического.

Если Гефест есть только кузнец, перенесенный с земли на небо, то в нем нет ровно ничего мифологического, как и в обыкновенном кузнеце на земле. Если Деметра есть покровительница земледелия, то и она не имеет никакого отношения к мифологии. Но стоило только перенести общинно-родовые отношения на природу (а не переносить их на природу первобытный человек не мог, поскольку они были для него самыми близкими и понятными), как она становилась мифической и магической и наполнялась живыми существами, по своей силе уже бесконечно превосходящими человека и потому часто получавшими вид чудовищ и страшилищ.

Мифология же есть определенный тип мышления на ранней ступени человеческого развития, а мышление невозможно без обобщения. Кроме того, мышление находится в единстве с языком, а всякое слово тоже есть некоторое обобщение. «Миф» по-гречески и значит не что иное как «слово». Следовательно, миф тоже есть то или иное обобщение; и те живые существа, о которых повествует мифология, всегда являются тем или иным обобщением, поскольку им, как чему-то общему, всегда подчиняется

определенная область действительности как совокупность того или иного множества или даже бесконечного числа частных явлений. Но род еще не мыслится здесь отвлеченно, т. е. дифференцированно-логически. Род тут пока еще самый настоящий человеческий род, т. е. бесконечное объединение предков и потомков. Перенесенный в таком виде на природу и мир (и в то же самое время играющий роль логического общего понятия), он и является мифологией, т. е. тем или иным богом, демоном или героем, которые оказываются обобщением определенной области действительности и которым так или иначе подчиняются все частные явления.

Первобытное мышление мифологично, и мифология, в свою очередь, есть разновидность первобытного мышления. Однако, несмотря на то что мифология и мышление в первобытные времена пронизывают друг друга, они по самой своей природе совершенно различны: миф все одушевляет и, будучи всегда полон смутных, эффективных реакций на такое же смутное жизненное окружение, во всякой человеческой практике стремится найти магию; мышление же во всем стремится найти научные закономерности и человеческую практику стремится осознать, разумно направить и технически усовершенствовать. Слияние и борьба мифологии и мышления существуют целые тысячелетия, поэтому необходимо изучить прогрессивное развитие человеческого мышления, идущего сначала по путям мифологии, а в дальнейшем развивающегося самостоятельно. Основным принципом исследования античной мифологии является рассмотрение мифологии не как вечной и неподвижной картины, пусть хотя бы и прекрасной, но как вечно развивающегося человеческого мышления, отражающего собой такую же текучую, такую же беспокойную и творчески развивающуюся историческую действительность.

Все мифологические образы, кроме того, должны исследоваться не изолированно, но как элементы более или менее обширных периодов общего развития греческой мифологии. Такими периодами являются: древнейшая, дофессалийская, или доолимпийская, основа античной мифологии, порожденная еще периодом матриархата; фессалийская, или олимпийская, связанная с патриархатом и примитивными формами раннего крито-микенского рабовладения, централизацией мифологии вокруг горы Олимп* и переходом к художественно развитому и строгому героизму. В дальнейшем — в связи с разложением первобытнообщинной формации и падением крито-микенской культуры — появляются утонченные формы героизма у Гомера. Затем наивная и нетронутая мифология гибнет как самостоятельное творчество, продолжая, однако, играть огромную роль как художественная форма для выражения идеологии полисной классики и эпохи эллинизма.

2. Периоды развития мифологии.

Под мифологической архаикой мы понимаем тот древнейший период мифологии — дофессалийский, или доолимпийский, который относится ко временам еще материнского рода, т. е. к периоду собирательско-охотничьего хозяйства и начальных ступеней производящего хозяйства. Процесс жизни воспринимается древним человеком в беспорядочно нагроможденном виде. Поэтому человек не только делает все материальным и физическим, живым, а иной раз даже одушевленным и разумным, но все окружающее он мыслит слепым, т. е. движимым какими-то непонятными силами. В результате этого принципом оформления всех вещей и явлений является для первобытного сознания принцип беспорядочности, несоразмерности, диспропорции и дисгармонии, доходящих до прямого уродства и ужаса. Мир и природа представляют для первобытного человека некое живое и одушевленное физическое тело. А так как первобытный человек видит перед собой только Землю с составляющими ее предметами и Небо, то Земля (греч. chthon), живая, одушевленная, все из себя производящая и все собой питающая, включая и Небо, которое она тоже из себя здесь рождает,— есть основа мифологии эпохи матриархата. Эта древнейшая мифология и называется хтонической. Как женщина является на данной ступени главой рода, матерью, кормилицей и воспитательницей, так и Земля является здесь источником и лоном всего мира, богов, демонов, людей.

Вместе с развитием общества меняются и формы первобытного мышления, что позволяет выделить несколько стадий развития древнейшей мифологии.

а) Ф е т и ш и з м. Известно, что производительные силы первобытного общества проходят две стадии своего развития: присвояющую и производящую. В первом случае человек, отождествляя себя с природой, т.е. понимая ее очеловечено (а это значит прежде всего одушевленно), находит для себя в этой природе только готовые продукты, необходимые ему для поддержания материальной жизни.

*Гора Олимп находится на севере Греции, в Фессалии.

Природа здесь, с одной стороны, вся одушевлена, а с другой стороны, она вся состоит только из физических предметов и сил, за пределами которых человек ничего не видит и не знает и ничего не может знать и видеть. Что же такое вещь, которая и одушевленна и в то же время насквозь материальна, насквозь физична? Такая вещь есть фетиш, и такая мифология есть фетишизм. Таким образом, древний человек понимает фетиш как средоточие магической, демонической, живой силы. А так как весь предметный мир одушевлен, то магическая сила «разлита» по всему миру и демоническое существо никак не отделяется от предмета, в котором оно обитает.

Фетишизм в древней Греции охватывает все области действительности. Приведем ряд примеров из литературных первоисточников. В первую очередь, среди фетишей мы находим богов и героев в виде необработанных, грубых деревянных или каменных предметов. Таковы, например, богиня Латона на Делосе — в виде полена, Геракл в Гиетте — в виде камня, братья Диоскуры — в виде двух бревен с поперечными брусьями в Спарте. Фетишами были и предметы, изготовленные руками человека, например копье Ахилла, исцелившее героя Телефа. Фетишистское значение имели растения, животные и сам человек, а также все части его тела. Так, виноградная лоза и плющ были фетишами Диониса, и бог иной раз прямо именовался «Плющом». Афина в одном из орфических гимнов так и именуется — «Змея». Критский Зевс воспринимался некогда как бык, а «совоокость» Афины и «волоокость» Геры тоже явно указывают на их древнее тождество с совой и коровой (так называемый зооморфизм). Змея, бык и корова, наделенные магической силой, представляют собой тоже самые настоящие фетишы.

Что касается человека, то его органы — сердце, диафрагма, почки, глаза, волосы, кровь, слюна — сначала понимались не как носители души, но как сама душа в виде материального тела, т. е. фетиша. У Гомера, например, диафрагма мыслится как субъект, как сознающее себя «Я». Вместе с кровью душа покидает тело. Когда сознание человека укрепляется и когда под влиянием роста производительных сил он уже получает некоторую возможность всматриваться в предметы и явления, а не просто только инстинк тивно ими пользоваться или инстинктивно их избегать, тогда и окружающая природа расчленяется для него в виде тех или иных областей, участков, групп, разных видов или типов предметов. Человек не просто в ужасе убегает от непонятных ему сил, а начинает всматриваться в них, расчленять их и, по возможности, пользоваться ими. Только на этой ступени развития сознания первобытного человека наступает та стадия древнейшей мифологии, которую можно назвать фетишизмом в собственном смысле слова, потому что только здесь впервые фетиш фиксируется как таковой, а не просто воспринимается только инстинктивно и смутно.

б) А н и м и з м. Когда усвояющая деятельность человека поднимается на ступень производящей и когда вещи уже не берутся, не присваиваются в готовом виде, тогда человек начинает интересоваться вопросами их производства, т. е. их состава, их смысла и принципов их строения. Однако для этого необходимо отделить идею вещи от самой вещи. А так как вещами здесь являются фетиши, то необходимо, чтобы создалось умение отделять идею фетиша от самого фетиша, т. е. отделять магическую силу демона вещи от самой вещи. Так совершается переход к анимизму. Так же как и фетишизм, анимизм (греч. animus — дух, anima — душа) тоже имел свою историю. Вначале демон вещи настолько неотделим от вещи (даже хотя бы он от нее и отличался), что с уничтожением вещи прекращает свое существование и этот демон вещи, наподобие греческой гамадриады, нимфы дерева, умирающей вместе с порубкой самого дерева. В дальнейшем растет самостоятельность и этих демонов, которые

теперь не только отличаются от вещей, но и способны отделяться от них и сохраняться в течение более или менее длительного срока после уничтожения этих вещей. Такова греческая дриада, тоже нимфа дерева, но уже остающаяся в живых после уничтожения самого дерева.

Этот демон далее становится своего рода обобщенным мифическим существом, т. е. источником или родителем всех вещей, подпадающих в качестве видовых представителей, под соответствующее родовое понятие. Греческий Океан, например, эта река вообще, которая, во-первых, дана в виде одной, особенно большой, особенно быстрой, особенно глубокой, охватывающей притом всю Землю реки, и, во-вторых, это родитель всех вообще рек на земле.

Боги и демоны античной мифологии есть прежде всего существа физические, материальные и чувствительные. Они обладают самым обыкновенным телом, хотя это тело и может мыслиться возникающим из разных видов материи. Если античные люди представляли себе, что самая грубая и тяжелая материя — это земля, вода же есть нечто более разреженное, а воздух еще тоньше, чем вода, и тоньше воздуха огонь, то демоны так и мыслились — состоящими из всех этих стихий, начиная от самой обыкновенной земли и кончая огнем. Богов же представляли себе состоящими из материи еще более тонкой, чем огонь, а именно из эфира.

Древнейшее анимистическое представление греков выражено в мифе о Мелеагре. Этолийскому герою Мелеагру, когда ему было только семь дней, богини судьбы Мойры предсказали, что его жизнь кончится, как только сгорит полено, горевшее в очаге. Мать Мелеагра выхватила полено из очага, затушила его водой и спрятала. Когда же она захотела отомстить сыну за убийство ее братьев во время калидонской охоты, она вновь зажгла это полено, и Мелеагр скончался, как только сгорело полено. В этом случае в горящем полене заключена магическая сила, являющаяся причиной всей жизни данного человека.

Древние анимистические демоны, как правило, представляются в беспорядочном и дисгармоничном виде. В этих случаях обычно говорят о тератологии, т. е. о веке чудовищ и страшилищ (греч. teras — чудо и чудовище), символизирующих силы земли. Гесиод подробно говорит о порожденных Небом-Ураном и Землей-Геей титанах, циклопах и сторуких. В последних чудовищность подчеркнута особенно, потому что каждое такое существо имеет 100 рук и 50 голов. Сюда же надо отнести и стоглавого Тифона — порождение Земли и Тартара (по другой версии — его породила Гера, ударив ладонью по земле и получив от нее магическую силу). Среди порождений Земли

необходимо указать Эриний — страшных, седых окровавленных старух с собачьими головами и со змеями в распущенных волосах. Они охраняют уставы Земли и преследуют всякого преступника против Земли и прав родства. Точно так же от Ехидны (прекрасной девы с телом змеи) и Тифона рождаются собака Орф, медноголосый и пятидесятиголовый, кровожадный страж Аида — Кербер, Лернейская гидра, Химера с тремя головами — львицы, козы и змеи с пламенем изо рта, Сфинкс, убивающий всех, кто не разгадывал его загадок, а от Ехидны и Орфа — Немейский лев. Демоны, в которых соединяются вид человека и животного, называются миксантропическими («смешанные» с человеком). Таковы сирены — птицы и женщины, кентавры, в которых соединились тела человека и коня. Все это свидетельства неотделимости древнего человека от природы. Когда он еще не выделял себя из нее, а чувствовал себя неотъемлемой частью природы. Вся эта стихийно-чудовищная мифология матриархата (Медуза Горгона, Сфинкс-«душительница», Ехидна, Химера — чудовища женского рода) получает свое обобщение и завершение в мифологии Великой матери или Матери богов. Эта мифология и этот дикий культ в классические времена Греции, конечно, были оттеснены на задний план, и о них едва помнили. Но в глубинах догомеровской истории, в эпоху матриархата, а также в эллинистически-римский период, когда происходило возрождение архаики, эта мифология и этот культ имели огромное значение.

В развитом анимизме трансформация демона или бога приводит к антропоморфическому, т. е. очеловеченному, их пониманию. И этот антропоморфизм именно у греков достигает своего наивысшего оформления, выражаясь в целой системе настоящих художественных или пластических образов. Грек прекрасно знал, какого цвета волосы у Аполлона, какие брови или борода у Зевса, какие глаза у Афины Паллады, какие ноги у Гефеста, как кричит Арес и улыбается Афродита, какие ресницы у Афродиты и какие сандалии у Гермеса.

Анализируя в мифах образы античных богов, демонов и героев достаточно подробно, мы столкнемся еще с одной чертой, состав ляющей универсальное свойство любого бога, демона и героя,— это то, что мы называем историческими пережитками, рудиментами, или реликтами. Как бы совершенно ни был развит антроморфический образ бога, демона или героя в античной мифологии, он всегда содержал в себе черты более раннего, а именно чисто фетишистского, илихтонического развития, например, совиные глаза — у Афины, змея — постоянный атрибут мудрой Афины, глаза коровы — у Геры.

К позднейшим героизированным формам матриархальной мифологии относятся, прежде всего, знаменитые греческие амазонки. Это — явный рудимент среди нематриархальной и уже чисто героической мифологии. Амазонки — женское племя, живущее, по мифам, в Малой Азии, на реке Фермодонте, на острове Лемносе или в районе Меотиды и Понта Эвксинского, во Фракии или в Скифии. Амазонки не допускали мужчин в свое общество

и признавали их только ради продолжения потомства, истребляя всех родившихся мальчиков. Вооруженные с ног до головы, всегда на конях, они проводили время в войнах. Патриархальная, т. е. героическая, мифология почти всегда изображает победу над амазонками какого-нибудь героя. Их побеждали Геракл, Тесей, Беллерофонт, Ахилл. Точно так же в дошедших до нас мифах рассказывается о вступлении в брак героинь со смертными героями, а это в период патриархата и героизма уже звучало как странная экзотика и как рудимент давно ушедшей старины (ср. Фетида и Пелей, Афродита и Анхис).

в) Р а н н я я к л а с с и к а. С переходом от материнской общины к патриархату развивается и новая ступень мифологии, которую можно назвать героической, олимпийской или классической мифологией, основанной на гармоническом и художественном восприятии мира. В мифологии этого периода появляются герои, которые расправляются со всеми чудовищами и страшилищами, некогда пугавшими воображение человека, задавленного непонятной ему и всемогущей природой.

Вместо мелких божков и демонов появляется один главный, верховный бог Зевс, а все остальные боги и демоны ему подчиняются. Патриархальная община водворяется теперь и на небе, или, что то же, на горе Олимп. Зевс сам ведет борьбу с разного рода чудовищами, побеждает Титанов, Циклопов, Тифона и Гигантов и заточает их под землю или даже в Тартар. Гесиод оставил нам красочные картины титаномахии и тифонии («Теогония», 666—735, 820—880); о победе же Зевса над Гигантами можно прочитать у Аполлодора и Клавдиана. За Зевсом идут другие боги и герои. Аполлон убивает пифийского дракона и основывает на этом месте свое святилище. Тот же Аполлон убивает двух чудовищных великанов, сыновей Посейдона, Ота и Эфиальта, которые выросли настолько быстро, что, едва возмужав, уже мечтали взобраться на Олимп, овладеть Герой и Артемидой и, вероятно, царством самого Зевса («Одиссея», XI, 305—320). Кадм тоже убивает дракона и в этой местности основывает город Фивы (Овидий, «Метаморфозы», III, I—130), Персей убивает Медузу (там же, IV, 765—803), Беллерофонт — Химеру («Илиада», VI, 179—185), Мелеагр — Калидонского вепря («Илиада», IX, 538—543). Совершает свои 12 подвигов Геракл, Тесей убивает Минотавра.

Вместе с тем появляются и боги нового типа (их греки называли олимпийскими). Женские божества получили теперь новые функции в связи с эпохой патриархата и героизма. Гера стала покровительницей браков и моногамной семьи, Деметра — планомерного и организованного земледелия, Афина Паллада — честной, открытой и организованной войны (в противоположность буйному, анархическому и аморальному Аресу), Афродита стала богиней любви и красоты (вместо прежней дикой, всепорождающей и всеуничтожающей богини), Гестия стала богиней домашнего

патриархального очага. И даже Артемида, за которой остались древние охотничьи функции, приобрела теперь красивый и стройный вид и стала образцом милого и дружелюбного отношения к людям. Возросшее ремесло, ставшее существенным фактором хозяйства, потребовало для себя тоже соответствующего бога, а именно Гефеста, о котором в XX гомеровском гимне рассказывается как о покровителе вообще всей цивилизации.

Богами специально патриархального уклада жизни стали Афина Паллада и Аполлон, которые славятся мудростью, красотой и художественно-конструктивной деятельностью. А Гермес из прежнего примитивного божества стал покровителем всякого человеческого предприятия, включая скотоводство, искусство, торговлю, водительство по дорогам земли и даже загробного мира.

Не только боги и герои, но и вся жизнь отображалась в мифах в совершенно новом оформлении. Прежде всего, преображается вся природа, которая раньше была наполнена для человека страшными и непонятными силами. Теперь природа воспринимается греками умиротворенно и поэтично. Нимфы рек и озер, океаниды, или нимфы морей нереиды, а также нимфы гор, лесов, полей и т.д. раньше представлялись в диком и ужасном виде. Но теперь значительно возросла власть человека над природой; теперь он уже умел более спокойно ориентироваться в ней, пользоваться ею для своих надобностей, рассматривать ее (вместо того, чтобы прятаться от нее), находить в ней красоту. Теперь власть над морской стихией принадлежала не только грозному Посейдону, но и весьма мирному, приветливому и мудрому богу морей Нерею. Нимфы, рассеянные по всей природе, получали красивый, милый вид; ими стали любоваться и поэтически их воспевать.

Всем раньше правил Зевс, и все стихийные силы оказались в его руках. Раньше он сам был и ужасным громом, и ослепительной молнией; и не было никакого божества, к которому можно было бы обратиться за помощью против него. Теперь же гром и молния, равно как и вся атмосфера, стали не больше как атрибутами Зевса; и от разумной воли Зевса стало зависеть их использование. Характерно окружение Зевса на Олимпе. Около него Ника — Победа — уже не страшный и непобедимый демон, но прекрасная крылатая богиня, которая является только символом мощи самого же Зевса. Фемида раньше тоже ничем не отличалась от Земли и была страшным законом ее стихийных и беспорядочных действий. Теперь она богиня права и справедливости, богиня прекрасного человеческого правопорядка, и она — тоже возле Зевса, как символ его благоустроенного царства. Детьми Зевса и Фемиды являются Оры — веселые, прелестные, благодетельные, вечно танцующие богини времен года и государственного порядка, справедливейшим образом ниспосылающие с неба атмосферные осадки, открывая и закрывая небесные ворота. Рядом с Зевсом также и Геба, богиня и символ

вечной юности, и мальчик-виночерпий Ганимед, некогда похищенный с Земли Зевсом-орлом. Даже Мойры, эти страшные и неведомые богини рока и судьбы, управлявшие раньше всем мирозданием, трактуются теперь как дочери Зевса и ведут блаженную жизнь на светлом, легком, веселом и красивом Олимпе.

Веселое, изящное и мудрое окружение характерно теперь и для Аполлона с его Музами, и для Афродиты с ее Эротом и другими игривыми демонами любви, с ее Харитами-Грациями, символом красивой, изящной, веселой и мудрой жизни, с ее вечными танцами, улыбкой и смехом, беззаботностью и непрерывными радостями. Человеческий труд также получил теперь свое дальнейшее и эффективное развитие. По велению богини земледелия Деметры Триптолем разъезжает теперь по всей земле и всех учит законам земледелия. Звери приручаются человеком (отголосок чего мы находим хотя бы в мифе о Геракле и усмирении их диких коней Диомеда). Гермес и Пан следят за стадами и не дают их никому в обиду.

Появляются знаменитые мифические художники (и среди них Дедал), которые поражают мир своими открытиями и изобретениями, своим художественно-техническим творчеством. Так, Дедал построил па Крите знаменитый лабиринт, великолепные здания спасшему его царю Кокалу, площадку для танцев Ариадны, соорудил крылья для своего полета с сыном Икаром (известнейший рассказ об этом и о трагической гибели Икара см. у Овидия — «Метаморфозы», VIII, 183—235). Боги Посейдон и Аполлон строят стены города Трои («Илиада», XXI, 440—457). Характерен миф об Амфионе, заставлявшем своей игрой на лире камни складываться в стены Фив.

Сохранились мифологические предания о таких выдающихся певцах, как Мусей, Эвмолп, Фамирид, Лин и особенно Орфей, которым приписывались черты, характеризующие их как деятелей восходящей цивилизации. Орфей укрощал пением бури, грозы и диких зверей, что тоже было символом власти человеческого интеллекта и человеческого творчества над силами природы. В лице Геракла эта героическая эпоха достигает наивысшего расцвета. Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, не только истребитель разного рода чудовищ: Немейского льва, Лернейской гидры, Керинейской лани, Эриманфского вепря и Стимфа лийских птиц, он не только победитель природы в мифе об авгиевых конюшнях и победитель матриархата в мифе о поясе, добытом у амазонки Ипполиты. Если он своей победой над марафонским быком, конями Диомеда и стадами Гериона еще сравним с другими героями, то было у него два таких подвига, которыми он превзошел всех героев древности; и эти подвиги тоже были апофеозом человеческой мощи и героического дерзания. На крайнем западе Геракл дошел до сада Гесперид и овладел их яблоками, а в глубине земли он добрался до самого Кербера и вывел его на поверхность. Не удивительно, что такой герой был взят Зевсом на небо и так вступил в брак с Гебой, богиней вечной юности. Подобного рода

мифы могли появиться только в эпоху сознательной и мощной борьбы человека за свое счастье.

В других классических мифах также рассказывалось не раз о победе человека над природой. Когда Эдип разгадал загадку Сфинкса, Сфинкс* бросилась со скалы; когда Одиссей (или Орфей) не поддался завораживающему пению сирен и невредимо проплыл мимо них, сирены в тот же момент погибли; когда аргонавты благополучно проплыли среди Симплегад — скал, которые до тех пор непрестанно сходились и расходились, то эти Симплегады остановились навсегда. Когда те же аргонавты проплыли мимо знаменитых яблок Гесперид, то охранявшие их Гесперидыи рассыпались в пыль и только в дальнейшем приняли свой прежний вид.

г) П о з д н и й г е р о и з м. Люди еще более смелеют в период поздней классики, и их самостоятельность во взаимоотношениях с богами заметно растет. Многие герои начинают вступать в состязания с богами. Дочь царя Тантала Ниоба считала себя красивее богини Латоны и гордилась своими многочисленными детьми. Дети Латоны перебили всех детей Ниобы, а несчастная мать с горя превратилась в скалу, с которой полились ручьи ее слез. Певец Фамирид вступает в музыкальное состязание с музами, в наказание за что они его ослепляют.

* В греч. яз. Сфинкс — ж. р.

Лидийский царь Тантал, который был сыном Зевса и пользовался всяческим благоволением богов, возгордился своей властью, огромным имуществом и своей дружбой с богами, в результате чего похитил с неба амброзию и нектар и стал раздавать эту божественную пищу обыкновенным людям. Сизиф подсмотрел любовные встреч и Зевса и Эгины и стал разглашать эту тайну среди людей. Царь Иксион влюбился в Геру, супругу верховного бога Зевса, и, обнимая тучу, думал, что обнимает Геру. Титий влюбился в Латону, мать Аполлона и Артемиды, и за это был ими убит. Тантал осмелился угостить богов жареным мясом своего собственного сына, а Сизиф пытался обмануть Аида и просил вернуть его на землю для того, чтобы воздействовать на свою будто бы неблагочестивую супругу.

Ахилл в «Илиаде» Гомера бранит Аполлона последними словами за укрывательство своего врага Гектора. А греческий герой Диомед прямо вступает в рукопашный бой с Аресом и Афродитой («Илиада», V, 330—339, 486—864). Салмоней и вовсе объявил

себя Зевсом и стал требовать божественных почестей (Вергилий, «Энеида», VI, 585—594). Конечно, все эти неблагочестивые или безбожные герои терпят, по мифам, то и или иное наказание. Иначе не могло и быть, пока у древних греков существовали мифы, т. е. боги были богами, а герои — героями. Для эпохи разложения героической мифологии характерны мифы о родовом проклятии, которое приводит к гибели нескольких поколений подряд. Один из фиванских царей, Лай, украл ребенка и был проклят отцом этого ребенка. Возникли знаменитые мифы о гибели фиванских царей. Лай погибает от руки собственного сына Эдипа. Эдип женится на своей матери Иокасте, не зная того, что она его мать. Иокаста же, узнав, что Эдип ее сын, кончает самоубийством; сыновья Эдипа Этеокл и Полиник гибнут в сражении, вступив в рукопашный бой; сын Этеокла Лаодамант гибнет от напавших на Фивы сторонников его брата Полиника, а сын Полиника Ферсандр гибнет перед Троянской войной от Телефа в Мизии.

Общеизвестны преступления Тантала, которые были умножены его потомством. Сын Тантала Пелопс обманул возницу Миртила, которому он пообещал полцарства за помощь в победе над царем Эномаем, и попал под проклятье Миртила, в результате чего сыновья Пелопса Атрей и Фиест находятся всю жизнь во взаимной вражде. Атрей по недоразумению убивает своего собственного сына, подосланного Фиестом; в ответ на это он угощает Фиеста зажаренным мясом его, Фиеста, детей. Свою жену Аеропу, способствовавшую козням Фиеста, он тоже бросает в море и подсылает сына Фиеста к самому Фиесту, чтобы его убить, но сын, понявший козни Атрея, убивает Атрея. Оставшиеся в живых два сына Атрея ведут жесточайшую Троянскую войну, по окончании которой Клитемнестра из-за ревности и мести убивает собственного мужа Агамемнона. Клитемнестру и ее любовника Эгисфа, который был сыном все того же Фиеста, убивает сын Агамемнона и Клитемнестры Орест, за что его преследуют подземные мстительницы Эринии. И характерно, что очищение от своего преступления Орест получает не в святилище Аполлона в Дельфах, а по решению ареопага (светского суда) в Афинах под председательством Афины Паллады. Так выход из общинно-родовых отношений возникает на путях афинской государственности и гражданственности, т. е. уже за пределами самой первобытнообщинной формации.

д) С а м о о т р и ц а н и е м и ф о л о г и и. Известны два замечательных мифа, по которым можно проследить, как греческая мифология приходила к тому, что иначе нельзя и назвать, как самоотрицанием мифологии.

Прежде всего, это была мифология Диониса, но не того древнего Диониса, который носил имя Загрея и которого еще отроком растерзали Титаны. Это — второй Дионис, сын Зевса и смертной женщины Семелы, который прославился как основатель оргий и бог неистовствовавших вакханок. Эта оргиастическая религия Диониса, которая

пронеслась бурей по всей Греции в VII в. до н. э., объединяла в своем служении богу все сословия и потому была глубоко демократической, направленной к тому же против аристократического Олимпа.

Экстаз и экзальтация поклонников Диониса создавали у греков иллюзию внутреннего единения с божеством и тем как бы уничтожали непроходимую пропасть между богами и людьми. Бог становится внутренне близок человеку. Поэтому культ Диониса, увели чивая человеческую самостоятельность, лишал ее мифологической направленности. Возникшая из культа Диониса трагедия использовала мифологию в качестве только служебного материала, а возникшая также из культа Диониса комедия прямо приводила к резкой критике древних богов и к полному их попранию. У Еврипида и у Аристофана мифологические боги свидетельствуют о своей пустоте и ничтожестве; и явно, что мифология в греческой драме, а значит и в жизни, обязательно приходит к самоотрицанию.

Другой тип мифологического самоотрицания возник в связи с образом Прометея. Сам Прометей — божество. Он либо сын титана Япета, либо сам титан, т. е. он или двоюродный брат Зевса, или даже его дядя. Когда Зевс побеждает Титанов и наступает героический век, Прометей за свою помощь людям терпит от Зевса наказание — он прикован к скале в Скифии или на Кавказе. Наказание Прометея понятно, поскольку он противник олимпийского героизма, т. е. мифологии, связанной с Зевсом. Вот почему в течение всего героического века Прометей прикован к скале.

Но вот героический век подходит к концу. Незадолго до Троянской войны, последнего большого деяния героического века, Геракл освобождает Прометея, и между Зевсом и Прометеем происходит великое примирение, которое означает торжество Прометея, даровавшего людям огонь и зачатки цивилизации, сделавшего человечество самостоятельным и независимым от богов. Появился герой, опирающийся только на собственный разум и собственные руки, т. е. человек новой цивилизации, который хочет овладеть силами природы вместо рабского служения им и жаждет постоянного прогресса. Таким образом, Прометей, будучи сам богом, разрушал веру в божество вообще и в мифологическое восприятие мира. Недаром мифы о Дионисе и Прометее расцвели на заре классового рабовладельческого общества, в период формирования греческой демократической полисной системы.

Говоря о гибели ранней мифологии, мы должны учитывать еще один тип мифов — это получившие широкое распространение мифы о превращениях, или метаморфозы. В эллинистически-римский период античной литературы выработался даже специальный

жанр превращения, который нашел свое гениальное воплощение в известном сочинении Овидия «Метаморфозы».

Обычно здесь имеется в виду миф, который в результате тех или других перипетий заканчивался превращением фигурирующих в нем героев в какие-нибудь предметы неодушевленного мира, в растения или в животных. Так, Нарцисс, иссохший от любви к своему собственному изображению в воде, превращается в цветок, получающий такое же название (Овидий, «Метаморфозы», III, 339— 510). Гиацинт умирает, проливая свою кровь на землю, и из этой крови вырастает известный всем цветок гиацинт (там же, X, 161— 219). Кипарис, застреливший оленя, очень сожалел об этом и от грусти и тоски превратился в дерево кипарис (там же, X, 106—142). Выясняется, что все явления природы когда-то понимались мифологически, т. е. одушевлялись, но со временем утеряли свою мифичность. Только людская память поздней античности сохранила

воспоминание об их давнишнем мифическом прошлом, находя в них уже одну поэтическую красоту. Однако, поскольку такого рода мифы появлялись и гораздо раньше эллинистически-римского времени, они свидетельствовали о гибели наивной мифологии, о замене ее обыкновенной, трезвой и реалистической поэтизацией природы и человека.

е) П о з д н я я к л а с с и к а и д е к а д а н с. Мифология в смысле наивной веры кончилась вместе с первобытнообщинной формацией, для которой она была необходима.

Классовое рабовладельческое общество в Греции и связанное с ним возникновение литературы активно использует мифологию в своих целях, политических и художественных. Особенно широко использована мифология в греческой трагедии. Афина Паллада оказалась у Эсхила богиней восходящих демократических Афин. Прометей полон современных Эсхилу передовых и даже революционных идей. Аякс у Софокла защищает свою личную героическую честь, а Антигона борется с тираническими законами государства. Мифологические герои становятся у Еврипида обычными людьми, порой слабыми, неустойчивыми, полными противоречий.

Мифология периода литературной классики все еще насыщена большими идеями, хотя ее антропоморфизм является здесь только внешней художественной формой. В эпоху же эллинизма и последних веков античного мира мифология окончательно

превращается в чисто литературный прием. Правда, последние четыре века античной философии, в течение которых зарождался, расцветал и вырождался неоплатонизм, ознаменовались философской реставрацией старинной мифологии, когда философы понимали под древними богами те или иные философские категории и строили на мифах целую систему философии или, точнее сказать, своеобразную систему логических категорий. При этом возрождение древней мифологии в общественно-политической и чисто жизненной практике неизбежно терпело крах, как это произошло в IV в. с императором Юлианом, погибшим из-за своих стремлений воплотить в жизнь государства языческую религию и мифологию. В памяти культурного общества античная мифология осталась прекрасным детством человечества, ушедшим в тот самый момент, когда оно стало вырабатывать научные и научно-философские взгляды на мир и природу.